

КОНСТАНТИН КОИЧЕВ

**ПАДЕНИЕ
ГАЛАКТИОНА
ПЕРИНИНА**

Т 660371



**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

**Издательство
политической
литературы
МОСКВА
1965**



Падение Галактиона Перинина

Рассказ

Среди разнообразной пестрой публики на Литейном проспекте в кафе «Уют» Галактион Перинин ничем не выделялся, разве только скучным испитым лицом и сумрачной молчаливостью. Сидел он за столиком один, пил молча, ни на кого не обращал внимания и о чем-то мечтал: может быть, о низменных материях и высоких заработках; могло быть и наоборот... Поди знай, о чем мечтает человек, живущий по-своему, как ему хочется, на случайных доходах, по особым заказам и счетам. Но деньжонки у него были «навалом и россыпью». Не раз он подавал официанту за пиво и закуску

скомканные бумажки и не требовал сдачи, а требовал пива еще и еще, пока оно слегка не вскружило ему голову. И тогда Галактион Перинин, желая показать себя, ради всеобщего внимания запел никому из присутствующих не известную песню. Впрочем, это была не песня, а отрывок из одного стихотворения графа Алексея Константиновича Толстого. Но Перинин нашел к словам мотив, пел иногда, работая над вывесками для магазинов, пел походя, запел и сейчас:

...Сидел над картиной художник,
Он божию мать писал,
Любил как дитя он картину —
Он ею и жил и дышал...
Вперед подвигалось дело,
Порой на него с полотна
С улыбкой святая глядела,
Его одобряла она...

В другой бы раз и в другом месте люди могли бы обратить внимание на певца, прислушаться к его голосу и вникнуть в смысл печальных слов песни. Но здесь, в папиросном дыму, среди общего шума и гомона, никто даже головы не повернул в сторону Перинина, давшего волю своему скрипучему голосу.

...Сгрустилося раз живописцу,
Он с горя горилки хватил.
Забыл он свою ма-а-астерскую,
Свою бого-о-о-м-матерь забыл.

Чуть громче, но с неизменной хрипотой протянул Перинин. Подошел официант, вежливо и фамильярно предупредил:

— Слушай, Галя, сам знаешь: можно у нас разговаривать, даже спорить, но петь здесь, сам знаешь, не место...

— Прошу прощения, прошу прощения...— залепетал Перинин, глуповато усмехаясь,— и еще прошу пару бутылочек «Невского» и двух упитанных раков.

— Раки все вышли.

— Как вышли?! Говорите точнее! Съедены? Слопаны?

— Так точно.

— Ах, черти полосатые. Дайте соленых крендельков...

И не успел официант протолкаться до буфета, как Перинин продолжил:

Весь день он валяется пьяный
И в руки к-к-кистей не беррет.
Меж тем под рогожею всадник
На кляче плетется вперед...

— Ну и голос! — Кто-то из посетителей поддельно восхитился и всерьез добавил: — Как из кобыля хвоста волос — и тонок и грязен...

Перинин не обиделся. Он был рад тому, что хотя бы и в такой форме на него обратили внимание.

— Правильно и остроумно изволили заметить. Ваша острота рассчитана не более как на полторы мозговых извилины. Потому никто не смеется. И двугривенного за остроту вы с меня не получите. Ломаный грош ей цена. Понятно?

К столику, где выпивал Перинин, подошел только что окончивший с похвальной аттестацией художественное учебное заведение студент Александр Звенисельский. Приветливо похлопав Перинина по плечу, он сказал:

— Ты чего тут, Галактион, разоряешься?

— Ах, Саша, дорогой! Дай я тебя поцелую... Прошу, прошу. Ну, как с окончанием? Можно поздравить?

— Можно.

— По такому случаю не в «Уюте» надо тебе находиться, а в «Астории» или по крайней мере в «Кавказском погребке»...

— Где уж нам! Какие у бабки трудодни, только крохи одни. Я не при деньгах, и денег нет при мне. Только разве на пивышко.

— Понимаю, что не прибудняешься, понимаю,— сочувственно согласился Перинин и спросил: — Ну, и куда теперь?

— Получил направление в один из районов...

Звенисельский назвал районный город, находящийся в северо-западной зоне.

— Ах, вот как! В те места, где я споткнулся раз в жизни и, как было мне сказано, испортил там свою автобиографию. Знаю, знаю этот райончик. Что ж, будешь преподавать рисование?

— Да.

— Писать этюды для себя и плакаты для райкома? Скука, батенька, скука ожидает тебя. И не ахти какой заработок.

— Что ж, долг чести. Надо оправдывать свое назначение. И представь себе, еду туда с удовольствием.

— Да, но хлебнешь горячего до слез. А знаешь что, если я не ошибаюсь, ты, судя по твоей фамилии, кажется духовного происхождения?

— Отец мой был до двадцать шестого года дьяконом, а я родился в тридцать первом. Суди сам. Ну и что?..

— А вот что, если тебя там припрёт с деньгой, труденько будет, зайди к попу отцу Александру и только скажи ему, что ты от меня, от Галактиона Перинина,

к нему с поклоном. Он тебе любую сумму одолжит и даже без отдачи!.. Вот, собака, живет! Денег невпроворот. Не жалеет денег. А ему и ветер в спину, живет что те граф прежний. Понимаешь, такой у него телевизор, что за триста верст из Ленинграда и из Таллина передачи принимает. Новенький свой «москвич». Шофер у него не на зарплате, нет, а вот свозит куда на требы, поп ему за это из саквояжа горсть денег захватит и подает. «На, говорит, на твое счастье. Сколько в горсть ухватил, все твои...»

— Это тот самый поп, у которого ты церковь расписывал? — спросил Звенисельский.

— Ну да! Он и тебе, если пожелаешь, работенку найдет. Что, разве плохо подхалтурить? Учебное заведение ты окончил. Свидетельство на руках. Тебя не исключат, как бывало меня за эту злосчастную церковную халтурку!..

— Да, многонько, говорят, ты зашиб тогда на этом подряде,— промолвил Звенисельский,— но и сам дорогой ценой поплатился. Два года учебы оторвал у себя по своей собственной вине.

— По неосторожности,— мрачно ответил Перинин,— что поделаешь, был грешок, был. Ну да ладно. Давай выпьем пивка за твой успех, Саша. Трудись, не надсажайся и преуспевай, а главное — не спотыкайся. В любом деле с оглядкой действуй. Вот тебе мой совет.

Звякнули стеклянные толстостенные кружки...

Пусть выпивают и закусывают, пусть «братья»-художники ведут мирную беседу, а если поссорятся — это тоже нас не касается. Мы расскажем о том предмете, в чем гвоздь нашего краткого повествования.



...Было это совсем недавно. Галактион Перинин после окончания десятилетки и трехлетней работы в фотомастерской поступил в высшее художественное учебное заведение и учился на третьем курсе. Летом, как и других студентов, его направили на практику для оказания помощи в культпросветработе районному клубу и библиотекам-читальням. Перинин отправился в назначенный райцентр.

Бывший уездный город пострадал во время Отечественной войны. Кое-где виднелись следы разрушений — груды кирпича с торчащими ржавыми рельсами, искорверканными железными решетками балконов, и все это, затянутое колючим бурьяном, ожидало расчистки и восстановления.

В райцентре имелись все подходящие району учреждения и заведения, не было только гостиницы с отдельными номерами, а в Доме крестьянина, в общих комнатах, Перинин не захотел себя стеснять. Потому без особого труда он нашел себе пристанище в уютном частном домике у одинокой, относительно молодой вдовы. Вдову звали соседи Анютой. Из вежливости и с целью жить в мире и дружбе с ней Перинин благосклонно называл ее Анной Борисовной. Нельзя сказать, чтобы она была в годах. Старше Перинина только на десять лет, а моложе своего покойного мужа Ильи Карповича на целых двадцать пять. Вдовела Аня третий год, мужа не оплакивала, но память его почитала: за упокой молилась ежедневно перед образами, занимавшими весь передний угол. Иногда, в особые дни, она приглашала в гости попа и заказывала ему молебен по усопшему

Илье, а потом угощала попа вишневой настойкой. Отец Александр засиживался и уходил от Анюты украдкой, по задворкам, на рассвете.

Но с тех пор как у нее поселился на все лето Перинин, Анюта решила не приглашать к себе попа. Очень понравился ей этот молодой студент, обходительный, вежливый и умеющий все делать, художник. И действительно, поняв ее обнаженную душу и благие, чарующие намерения, Перинин старался кое-что сделать для религиозной одинокой хозяйки, чтобы угодить ей. По ее просьбе из обыкновенной записной книжки он соорудил поминальник. На красной обложке изобразил позолоченный крест, а под ним череп — «главу Адамову» — так ему подсказала сама Анюта. Славянскими буквами Галактион записал за упокой раба божьего Илью, и двух усопших младенцев — Михаила и Лидию, и еще родителей, и всех близких сродников. А однажды, в порядке сюрприза, в отсутствие хозяйки, уходившей на работу в ларек потребсоюза, он снял с божницы образ боготери и так его разделал красками и сусальной позолотой, что Анюта, увидев, сначала испуганно и изумленно всплеснула руками по округлым бедрам, потом проследзила и бросилась на шею Галактиону, стала его целовать благодарно и сладострастно, от чего, разумеется, не уклонился молодой, но уже умудренный жизненным опытом начинающий художник. За это ласковое обращение Перинин в тот же день сфотографировал хозяйку в десяти видах.

И еще одно, с точки зрения Анюты, он сделал для нее доброе дело. Она попросила его учинить надпись на могильном кресте для своего покойного супруга, да такую, чтобы все замечали и читали. Галактион охотно откликнулся.

— Надо, Анна Борисовна, сочинить эпитафию. Тогда всякий приметит и прочтет.

— Что это такое?

— Ну стишок, значит, как это делали до революции только богатые люди...

— Вот и ладно! — согласилась Анюта. — Мой Илья тоже бывал не бедного сословия. Отец его кожами торговал...

— От чего скончался ваш Илья? Был ли он верующим или, как и многие, не верил в бога? — допытывался Перинин, залучая «материал» для сочинения эпитафии.

— Очень был верующий. Очень. Он и за открытие церкви хлопотал, подписи собирал, в Москву ездил. Добился, сердешный. А скончался без покаяния. Совсем скоропалительно. Забежал он ко мне на работу в продларек. Схватил «маленькую», а у меня еще грибы были соленые, всякая смесь — губина. Вот уже действительно губина! Погубила моего Илюшу. Уж я ли ему не говорила: «Не ешь эту дрянь, возьми колбасу по два девяносто за сто грамм» — не послушал. В обеденный перерыв дело было. Прибегаю домой. А он на диване, и в брюках, и башмаках лежит, мается. Корчит его, ломает, изводит в три дуги. Кричит благим матом, но без употребления матерных слов, а только говорит: «Господи, прости меня грешного, господи, прости... Нюрочка (Нюрочкой всегда ласково меня звал), беги, Нюрочка, в больницу за врачом...» Я, не чуя ног, побегла в больницу, а сердце так и вырывается из-за пазухи, и вся в слезах... Пока я бегала, а он вот тут, свалился с дивана, на полу лежит мертвешенек, душу богу отдал... Произвели анатомию, вскрыли, — конечно, грибы проклятушие виноваты. От поганых переверот всех кишок получился...

На похоронах, не совру, человек двести было. Обожали его, очень обожали... — закончила Анята.

— Кем он работал, где?

— Известно кем, заготовителем! Он же эти и грибы для сельпо закупал. — Анята с хрипом всплакнула и, вытирая глаза, добавила: — Покушал себе на голову.

После этого разговора прошло два-три дня, и над могилой Анятиногo супруга на деревянном кресте была прибита жестяная дощечка, а на ней словеса собственноручно тушью Галактионом Перининым начертаны:

Говорила тебе я:
Ты не ешь грибов, Илья!
Не послушал
Да покушал —
Вот и отдал богу душу.

Над этой эпитафией художник изобразил крестик тушью, а ниже поместил между крылышками голову пучеглазого херувима.

Вся эта доброта молодого художника растрогала отзывчивое сердце вдовушки. Она взяла Перинина на полный продовольственный пансион. Кормила его жирными свиными котлетами и яичницей-глазуньей. Наливка и портвейн «Три семерки» не выводились в ее доме.

По утрам еще Перинин валяется на пуховой перине, Анята уже копошится около печи и самовара, готовит чай и завтрак.

— Вставай, Галактиончик, вставай, миленький! — И чтоб развеселить, привести в чувство заспавшегося жильца, Анята тешила его придуманной коротушкой:

Миленький Галактиён,
За тебя дают мильён.
Мне не надо и мильён —
Лучше ты Галактиён!..

За столом Анюта ласково его угощала:

— Ешь, кушай, мой уважительный. Ешь, мой дорогуша. У меня всего этого хватит. Одна ведь. Двое было младенцев от покойного Ильи, не обжились, скончались. А одной-то много ли надо? Кушай, кушай, хоть селедочку, хоть колбаску. Я могла бы в ларьке и не работать, да так уж, от скуки. Уволят — не боюсь!.. Я, Галактиончик, могу прожить без службы, на иждивении собственной коровы. Что смеешься? Молочко-то, оно и питание, оно и деньги. А глянь-ко в боковое окно: девять яблоней! Я баба богатая, я вдова веселая и выпить могу, и спеть, и сплясать — любой молодой не уважу. Вон та, середняя яблоня, мне в прошлое лето две тысячи рубликов дала! Через сельповский ларек и реализовала фрукты, будто и не мои. Я умею жить. Найти бы рачительного муженька-жениха, жили бы как министеры. — Усмехнулась скупой, отвела глаза в сторону и продолжала: — Ныне эта, середняя яблонька и половины не даст, пустоцвету много было. А вон та, крайняя слева, что ты рисовал, та, пожалуй, тыщи полторы даст. Остался бы ты, Галактион, у меня навсегда... — И засмеялась, вроде бы сказала не всерьез, а так, шутки ради.

— Что вы, Анна Борисовна, одно лето я тут еще могу в глуши околачиваться. Не расстаться мне с Ленинградом.

— А какая же здесь глушь? Поезда два раза в сутки снуют, ну, речка мала: пароходам негде развернуться, зато пляж!

— Поезда, пляж. Мало мне этого. Мало. Вам вот, Анна Борисовна, с коровой и яблонями не расстаться?

— Нипочем!

— Продала бы все хозяйство да в Ленинград и перемахнула бы с приданым.

— Нипочем! Попадет пропойца, в два счета все профукает.

— То-то и оно! Живите вы в своем райцентре, а я предпочитаю жить в центре рая,— высказал свою определенную точку зрения Перинин и добавил: — А за вашу доброту я очень благодарен. Будете в Ленинграде — в «Асторию» свожу.

— На представление?

— Нет. Это шикарнейший ресторан...

Однажды, как это всегда бывает в правдивых рассказах, Анята, придя в приходскую убогую и облупленную церковь, выслушала внушительное нарекание со стороны попа:

— Анна, не стала ли ты бога забывать? Редко тебя вижу за литургией. Не ударились ли ты, голубушка, в грех?..

— Ударилась, батюшка, ударилась...— призналась Анята и посмотрела так умильно, со смешинкой и ласковой в очах, что поп готов был простить ей любой грех.

— Слышал я, что одного отрока на житие себе приютила?

— Приютила, батюшка, приютила. Уж не ревнуешь ли меня, батюшка?

— Не имею законных прав, голубушка, у меня своя протопопица — женщина не из пожилых и красотой и подвижностью господом богом не обижена. Не думаешь ли во замужество или в дом хочешь принять?

— Хотела бы, да он мне не ровня. И молод, и образован, и ничего-то у него из рук не валится. Все умеет, все!.. И фотограф, и стишки может сочинять, а как рисует! Уму непостижимо. Он у меня божью мать изукрасил, как невесту на выданье. И платок заново, голубой, с золотыми звездочками нарисовал, и медальён на

грудь на цепочке, а младенец предвечный на коленях у богородицы такой стал шустренький, того и гляди прыгнет на пол. Вот заходите, полюбуйтесь.

— Зайду, зайду,— пообещал поп и посмотрел на стены храма, сообразил: — А может, Анна, твой постоялец и церкви для дела пригодится?

— Вот уж пригодится, батюшка, пригодится.

— Когда он бывает дома?

— Все время, батюшка. Сидит да через открытые окна картины разными красками малюет. Сколько холста исписал. И не знаю, для чего. Конечно, потом это все можно с мылом отстирать, и холстина в дело пойдет, хоть на рукотерники, хоть на портянки. Я ему говорила, так он хохочет, а делает свое. Потом он еще занимается фотографией: не совру, рублей по сто в день зашибает с девок за карточки. Из клуба приходили — звали рисовать, так отмахнулся: «Не по мне, говорит, декорация да лозунги, это, говорит, вы и без меня сообразите, как сделать».

Поп давно был удручен заботами о подыскании живописца для обновления старых икон и, особенно, для росписей неприглядных стен фресками по книжным рисункам из Ветхого и Нового завета. Искал он живописца и в Новгороде, и в Пскове, и в Ленинграде, искал явно и тайно. Желающих не находилось. А тут сам бог послал...

— Привела бы ты его в храм, этого живописца, пусть бы он опытным глазом взглянул да умом прикинул насчет реставрации изображений настенных. А может, он и по части обновления старых икон пригодится?

— Он все может. Пригодится, батюшка, пригодится. Попробую привести. Денежки он любит. А за деньги,

извините меня, говорят, и поп пляшет. Приведу, познакомлю, батюшка...

Когда Анята поведала об этом Перинину, тот охотно согласился побывать в церкви, но выставил в ответ свое условие:

— Зачем меня сразу с батей знакомить? Я лучше сам к обедне зайду и понаблюдаю, как он служит, что собою представляет, и на внутренность церкви взгляну по поводу возможной подхалтурки.

— Ваша воля, поступай как тебе удобнее,— сказала Анята, путаясь в обращениях то на «вы», то на «ты».

В ближайшее воскресенье Перинин спозаранку отправился в церковь. Пришел он между заутреней и обедней. Молящихся было пока немного. Посреди церкви стоял белый гроб, наполовину покрытый парчовой накидкой с голубенькими крестиками. Под накидкой — покойник с лицом пепельного цвета и провалившимися глазами. Около гроба рыдала женщина в черном старомодном платье. Кто-то прискорбно тихонько говорил:

— Несчастный, целый год мучился... Рак все печенки переел...

— На том свете ему полегчает,— ответил другой голос,— богобоязный был, царство небесное. О церкви пекся, за это его и фашисты пальцем не трогали... А вот смертынька все-таки его болезней доканала.

Подошел к гробу поп с кадиллом, подымил ладаном, пропел что полагается — «во блаженном успении вечный покой...» — и, видимо, за особую, повышенную плату — так понял Перинин — произнес надгробное слово, восхваляя всячески усопшего.

Среди присутствующих богобоязненных старушек и любопытствующих молодухек, конечно, Галактион

Перинин выделялся и навлек на себя со стороны попа внимание. Перинин заметил это, подошел к церковному ларьку, потребовал за два рубля свечку, зажег ее и поставил перед изголовьем в подсвечник у гроба. Попу такой жест незнакомого молодого человека понравился. Он искоса продолжал поглядывать на Перинина. Тот стоял пристойно, с любопытством взирая на покосившийся резной иконостас и потемневшие, почти неразличимые фрески на стенах. Гроб с покойником вынесли к готовой могиле. Поп не вышел провожать. У него до обедни предстояло неотложное и более важное дело.

Кое-кто из прихожан приносил и жертвовал в церковь старые иконы. Но прежде чем поставить иконы в «ряды действующих», поп завел обычай освящать их, брызгать водичкой и пропевать соответствующий тропарь с кондаком.

На этот раз, в присутствии Перинина, одна дряхлая богомолка, с большим трудом напрягая последние силы, притащила в храм на досках писанную икону «Сретения господня».

— Вот, отец Александр, дарствую, подновить если, хороша будет. Была и риза на ней, да задолго еще до войны содрала я, грешная, и по нужде в Новгород в торгсин снесла, на белую мучку и на сахар променяла... Можно сказать, не сыто я тогда жила, помогла мне святая икона из нужды выкарабкаться.

— Очень благодарствую,— сказал поп,— пригодится сей дар, пригодится. Доброго письма образ. Симеон-богоприимец внушительен. А ведь не верил он, что Христос родится и явится. Бог его и наказал за это. Предрек ему жить на земле за неверие триста шестьдесят годов!..

— От такой господней кары никто бы не отка-

зался,— неожиданно проронил Перинин, стоявший позади попа.

Поп обернулся и пристал к слову:

— А вы кто будете? Приезжий? Первый раз вижу...

— Художник,— отрекомендовался скромно Перинин и, чтобы попу было ясно, добавил: — Постоялец у Анны Борисовны. Может, знаете?..

— Как же, как же, разговор был, и мы еще с вами побеседуем... в следующий раз, дело к вам есть, и немалое.

Подошел дьячок — пономарь, и звонарь он же, с чашей воды, поп обмакнул волосатое кропило в чашу, крест-накрест поплескал на икону и довольно бодрым голосом запел:

«Утробу девичью освятивый рождеством твоим
и руце Симеона благословивый, якоже подаше
предварив, и ныне спас еси нас, Христе боже,
но умири во бранех жительства и укрепил...»

Освятив икону, поп велел старосте поставить ее против правого клироса на пустое место.

Началась обедня. Перинин прошел наперед к амвону. Никогда в жизни ему не приходилось выстаивать церковную службу от начала до конца, а тут решил вытерпеть, и, главное, на виду у попа. Как знать — пригодиться.

Обедня была незавидная. Поп справлял литургию один за двоих — за себя и за дьякона. На клиросе подпевали четыре тонкоголосых девчонки. Перинин не осеял себя крестным знаменем, не падал на колени, стоял как столб, не сходя с занятого им места. Он не вникал в суть богослужения. Он как бы украдкой озирался на потемневшие и местами покрытые плесенью стены, соображал о подновлении фресок и, конечно,

прикидывал в уме объем работы и заработка. Он видел, как во время обедни бойко шла торговля свечами и серыми постными просфорами, как в руках сборщиков два оловянных блюда наполнились звонкими монетами и бумажками. «Вот где пожива,— думал Перинин,— берут деньги за явный обман, не контролируются. Как их проверишь? А поп, видать, артист своего дела. Разумеется, ни в бога, ни в черта он не верит, а гребет деньгу за то, что умеет исполнять роль обманщика... Что ж, если доведется, то за халтурку с бати можно здесь подработать...»

Пока такие мысли накручивались в голове Перинина, во время литургии наступил небольшой перерыв. Пономарь вынес и поставил посреди церкви аналой, очень смахивающий на трибуну, покрытый красным сатином и украшенный восьмиконечным парчовым крестом.

Оказывается, поп — любитель произносить проповеди; вооруженный толстой книгой, подошел он к аналою и, как заправский оратор, раскрыл книгу и, не глядя в нее, возгласил:

— Православные миряне и граждане... Соответственно с месяцесловом житий святых, некогда составленных по Четьи-Минеям протоиереем Бухаревым, мы имеем сегодня отметить память святого мученика, по имени Варвар. Житие его весьма примечательно ужасными похождениями, а более того, проникновенной милостью божьей к этому многогрешному вору и разбойнику, ставшему святым благодаря соизволению господнему...

Богомольцы приблизились к аналою. Некоторые женщины были на ухо туговаты, сняли с голов платки, прислушались. Наступила тишина. Даже девчонки на

клиросе не хихикали, из боязни получить суровое замечание.

— Жил в древние времена в Греции страшный злодей, кровожадный разбойник Варвар... Убил он, как сказано в священном писании, триста человек ни в чем не повинных. Долго ловила его стража-дружина и не могла изловить. Вот какой был злодей Варвар. Наконец сам господь, в троице-единосущный, коснулся своей благодатью до грубого сердца грешника. И Варвар подсчитал, сколько он наградил, сколько убил людей, слезно взмолился, и тогда господь сказал ему: «Я тебя прощаю, ступай к священнику покайся, уйди в лес и спасайся в одиночестве». Священник принял покаяние злодея. На три года приютил его. Три года Варвар жил в хлевах вместе со скотом, потом двенадцать лет, в голем виде, обитался в лесах. Тело его почернело, обросло аки шерстью. Охотники сочли его за зверя и застрелили... Прах его оказался нетленным и чудотворным. Так по милости бога и самый грешный, покайся, может быть жителем райским...

— Батюшка, можно вопросец,— обратилась одна из женщин.— Скажите, а Егор Кузовленок вам покаялся, попадет он в рай?

— Какой Кузовленок? — спросил ее поп.

— Да коего вы сегодня отпевали на тот свет?

— Так это, матушка, тайна исповеди... да, да, он приобщился святых тайн, и его покаяние мною оформлено по правилам, а принято ли господом — ему единому про то ведомо...

— А мы, грешные, думаем,— не унималась женщина,— когда у нас тут хозяйничали фашисты, Кузовленок паршиво себя вел... Ужели ему и на том свете не зачтется?..

Старушка, которая принесла и подарила попу икону «Сретения», протиснулась к аналою и тоже участливо захотела вступить в беседу:

— Скажи, отец Александр, я позабыла, сколько годов Симеон-богопротивец жил на белом свете?

— Не богопротивец, а бого-при-имец! — растолковал поп, — я говорил тебе: триста шестьдесят!..

— Триста шестьдесят! Хоть бы не забыть. Это на сколько же меня старше?..

— Считай сама, голубушка, или дома правнуков заставь на счетах прикинуть, — ответил поп, еле скрывая усмешку. В этом месте он чуть-чуть не переиграл свою роль.

«Артист, да и только, — подумал снова Перинин о священнике. — И ведь не очень стар, подлюга. Настоящий Варвар. Грабит сотни людей — и хоть бы что, не наказуем. Ограбленные им духовно и материально сами своими руками несут мзду. Разве за это наказывают?.. Нет, совсем не вредно будет снять у него подрядец на малевание...» — эта мысль не покидала Перинина и после обедни, когда он из церкви направился на станцию в буфет.

* *
*

...В следующее воскресенье поп был в гостях у Анюты, и не один, а с церковным старостой, тучным, мордастым, отрастившим такие диковинные черные густые усы, каких нигде за все свои тридцать лет жизни Перинин ни разу не видел. С позволения старосты он за несколько минут карандашом набросал усатую физиономию, затем сфотографировал его и поа в отдельности, потом вместе с благодетельной хозяйкой.

Перинин, конечно, понял, что поп и староста пришли неспроста: он им нужен,— значит, надо знать себе цену, не продешевить.

Серьезный разговор состоялся немного позднее, за графином наливки, после того как втроем — поп, староста и Галактион Перинин — сходили в церковь, осмотрели и рассчитали весь объем предстоящих работ.

Имея обильную жатву с прихожан, поп захотел поразить высокой ценой молодого, казалось ему, неопытного в таких делах художника. Он в первом слове сказал:

— Пятнадцать тысяч!

— Мало! — отрезал Перинин. — По самым скромным моим расчетам, надо двадцать¹.

— Срок? — спросил поп и уточнил: — Срок работы и выдачи вознаграждения?

Перинин, не задумываясь, ответил:

— Июль, август, сентябрь. За работу? Аванс пять тысяч без отчислений. Остальные пятнадцать помещично. Будем писать договор?

— Ни к чему, — сказал поп. — Мы без формальностей. Мы не обманем, ты нас не надуй.

— Избави бог! — в тон работодателю заявил Галактион.

— Сделаешь к воздвижению, авансом можешь получить «пятерку» сейчас же, — сказал поп, доказывая свою деловитость и оперативный размах. — Староста, выдай ему под расписку полсотни сотенных бумажек и пусть завтра начинает. У нас все для начала работ готово: олифа, масло, белила, краски, кисти, сусальное золото — все есть в достатке.

¹ Дело происходило до денежной реформы 1961 года.

— А чего не хватит, достанем, из-под земли, а достанем,— заверил староста, выкидывая из портфеля пачки денег.

Сделка состоялась. Попойка — тоже. Все были навеселе. Особенно поп, он выпивал изрядно, а закусывал набухшими в водочной настойке вишнями. Поэтому он был вдвойне пьян. Перинин, глядя на него, думал: «С таким батей можно дело иметь. Наверно, тычонок десять в месяц улавливает с верующих, с живых и мертвых. А забулдыжка все-таки! Пьет и над старостой, над его усищами подтрунивает».

— Какие усищи! А? На две сапожных щетки материала,— острит поп и хохочет.

— Вы это из зависти, отец Александр. У вас-то бороденка, тьфу! Насекомой негде укрыться.

— Галактион, а Галактион, какое отличное имя! — бормотал поп.— Знаешь, что это по-гречески значит? А значит это «молочный». Молочный, а двадцать тысяч слупил. А? Нет креста на шее у «молочного». Покажи, расстегни ворот. Нет креста! Ну да хрен с тобой. К подвиженью чтобы все было готово!..

— Не подведу.

— Думаю. Личная заинтересованность — стимул. Галактион? Слушай, молочный, подари мне эту карикатуру на старостину личность, мы хоть с попадейкой похочем...

— Пожалуйста.

— А вы, говорят, и стихиры слагаете?

— Вранье. Только эпитафии и эпиграммы. Лапидарным стилем.

— А ты что-нибудь лапидарное к этой роже присочини, повеселей, так сказать, для внутреннего употребления.

— Могу. Не смею ослушаться. Позвольте рисунок. В голове у Галактиона уже была об этом мыслишка и подходящие вертелись рифмы. К рисунку он добавил:

Нос — картошка,
Рот — ворота,
Но, как видно, для красы,
Словно к заду бегемота
Приспособил бог усы...

Поп захохотал, и от хохота колыхался у него живот. Староста стерпел шутку, только сгоряча налил еще всем по стакану из графина и первый молча выпил единым духом.

Ночью Перинин долго не мог уснуть. Анюта спяну жарко дышала, разметав одеяло с горячего тела. Галактион ворочался с боку на бок, думал: «Узнают? Конечно, узнают... Исключат? Конечно, исключат. А может, не исключат? Буду защищаться. Двадцать тысяч — не козья рожа. Попробуй их студент заработать... Докажу, что я был прав. Церковь и конституция. Живопись, фрески — искусство. Верующие, дурман, опиум, ну и что? А я им на эти выпады (они будут, будут!) выложу главные козыри... Писал же Рафаэль богоматерь! А Микеланджело, а Леонардо? А наш Рублев, Симон Ушаков. Да их сотни знаменитых! А Васнецов и Нестеров... Что говорить, такой демократ, как Крамской, и тот в Петрозаводском соборе во весь купол изобразил Саввафа. А Боровиковский на Вологодчине целый Семигородний монастырь расписал!.. Не исключат. Отговорюсь. Сумею... Надо завтра эти пять тысяч отнести в сберкассу и — за дело!..»

Успокоив себя, Перинин заснул.

Кончалась короткая летняя ночь. Где-то близко-

близко в дремлющем зеленом саду защелкал соловей. Самая талантливая птица из всех птиц на свете.

Около печи возилась Анюта. В загнете на горячих углях шипела яичница с колбасой.

— Вставай, Галактиончик, пока завтрак горячий, поешь, покушай со мной, потом доспишь сколько тебе надо. Ну, как тебе наш священник вчера приглянулся?

— Не жалуюсь,— зевая и потягиваясь, ответил Перинин.— С таким можно дело иметь...

— Он у нас крепенький и добренький. Такого надо долго хватит... Не старикашка какой-нибудь... Своего «москвича» заимел. А раньше, когда только что появился у нас, ничего у него не было, кроме мохнатой собаки ростом с теленка. Да жена у него была, бывшая делопроизводительница из нарсуда. Ну, ее за это с работы долой... Ничего, живут нормально. Он то, конечно, в силах, так погуливает аккуратненько. А не так, как на Вологодчине один попик молодой да глупый, прижал да растрепал девицу в храме на исповеди, та в слезах к родителям. Суд-пересуд — и попу пятнадцать годиков припаяли... Наш не таков. У него за кормой всегда чисто. Поначалу, вскоре он обзавелся телевизором, самым первым в райцентре. Потом еще до «москвича» приобрел мотоцикл с коляской. Ездил на своем мотоцикле на требы, кого покрестить, кого исповедать. Сам за рулем, а лохматый пес-страшилище — в коляске. Из этой собачьей шерсти одна прихожанка попу два теплых свитера связала...

— Практичен! — отозвался Перинин, садясь на край кровати.

— Бывалый. За что-то пострадал. На груди у него диковинная татуировка: два голубя целуются. Поди знай, где его так разрисовали!..

- А ты как ухитрилась разглядеть этих голубей?
— Допустил, стало быть.
— Сподобилась? Эх, Анюта, Аннушка... Ладно, не ревную, подавай яичницу!..

* * *

В церкви сыро, уютно. Во время тридцатилетнего бездействия она была опустошена. Иконы растащены верующими, а неверующие устроили в бывшей церкви картофелехранилище. После войны нашлись вдохновители и радетели. Церковь открыли. Появился поп — отец Александр. Староста и весь церковный актив принялись собирать у населения сохранившиеся иконы. Но пока все это устройство выглядело бедно и непривлекательно. Однако число прихожан росло. Нарастивался и доход церкви...

Штукатурщики давно уже приготовили стены к росписи. «Идейную установку» мысли и направление подсказывал Перинину сам поп.

— Вот что, Галактион, ты должен понять основу основ,— говорил он при составлении плана работ по росписи стен,— мы живем в такое время, что надо знать, что и как изображать. Древнее иконописание теперь молящихся не устраивает, оно годно только для музеев. Нужна модернизация!..

— Ясно,— отвечал Перинин.

— Скажем, ни к чему образа таких когда-то модных святых, как Серафим Саровский, Тихон Задонский, Анна Кашинская и иже с ними, мощи которых вскрыты большевиками, святые покровы сняты и ничего, кроме гнилой трухи, к стыду церкви, там не оказалось. А нужно писать на этих вот двух каменных столбах святых деятелей княжеского рода: Владимира Киев-

ского и Александра Невского. Это будет верующим понятно и неверующим приятно. История в увязке с религией придаст вере прочность и устойчивость.

— Ясно. И очень умно. Еще что?

— Теперь о росписи стен,— продолжал поп.— Красок не жалеть! Надо больше яркости, чтобы глаза раскрывались и в душу западало. И никаких двенадцатых праздников расписывать не будем. Продумай и набросай сначала угольком сюжеты или композиции, как там по-вашему, такого рода: соблазн и прегрешение Адама и Евы, изгнание их из рая Михаилом Архангелом; пьяный Ной, выслушивающий критику сына Хама; изобрази пророка Иона, изрыгаемого китом на берег, еще трех отроков в печи огненной и прочее в этом духе. Вот что нам надо, привлекательное содержание...

— Ясно. С расчетом, не ради молитв, а чтобы смотрелось и вызывало раздумье.

— Вот именно: помышление о боге и проникновение в душу.

— Трудно изобразить это в реалистическом плане,— возразил Перинин.

— Художник должен уметь,— возразил поп.— Пробуй свои силы. Бог тебе поможет. Будет удача — прославишься. Добивайся, Галактион. Добивайся и не обращай на мои замечания и указы. Твое дело молодое, а у меня — глаз и опыт. Образуетесь — меня же благодарно вспомнишь.

— Ясно. Может быть,— соглашался Перинин, с упоением приступая к новому для него делу.

Летние дни длинные. Дневного света хватает с избытком. Старается, подгоняет себя Галактион Перинин,— двадцать тысяч не баран начихал, их надо умением и быстрым темпом добыть.

Поп частенько наблюдает за его кистью. Там, где надо, поправки вносит:

— Ты что это, голубчик, тут в новаторстве перехватил, а тут в модернизации перестарался? Где же это видана такая ересь, чтобы Михаил Архангел в галифе и в сапогах со шпорами изображался? Крылья у него получились хорошо. Лик удовлетворительно, но снимай, голубчик, брюки с архангела. Ему положено платье до колен, вроде короткой юбки. Сапоги со шпорами долой! Это тебе не Кузьма Крючков. Архангел крылья имеет, зачем ему шпоры? Высокие башмаки ему, да понарядней... Ох, молодо — зелено. Не догляди за тобой — вся ересь в брак пойдет. А за брак я ни гроша медного не дам...

— Ясно, слушаюсь, отец Александр, внесу поправочку, внесу...

— Ореолы-венчики вокруг глав святых разве так пишутся? Не так!..

— А как же?

— От плеча и до плеча, законченным кружком, не пересекая шеи. А у тебя получается от уха до уха не круг, а полукруг. И кто понимает, осудит, скажет, что это не венчик, святость обозначающий, а фетровая или соломенная шляпа...

— Ясно, отец Александр, будет исправлено. А не помнишь ли, отец Александр, под Егорьем Победоносцем какая лошадь была — кобыла или мерин?

— Рисуй без обозначения пола. Сивая должна быть лошадь. Ну и народ пошел, — возмущался поп, — вот что значит оторвались люди от религии. Ни молитв, ни святых ликов, ни черта не знают. Удивления достойно. Плохо, когда такое дело без знания и веры делается...

— Давай, не будем насчет знания и веры,— спешил оправдаться Перинин, бойко работая широкой кистью.— Знаний у меня на это дело хватит, что касается веры, то мы с тобой сошлись на... двадцати тысячах, а если и добавишь — не откажусь.

— Там увидим. Церкви нужны темпы и качество...

— И ловкачество,— в рифму добавил злоязыкий художник.

— Без кощунства, Галактион, без кощунства...

Дело двигалось. Художник работал быстро и самоуверенно.

Поп наблюдал и руководил неустанно. Он даже принес из библиотеки томик древнего искусствоведа Вазари с божественными иллюстрациями репродукций лучших мастеров Италии и, вручая Перинину, сказал:

— Разумеется, для нашего времени сия книга не эталон, но руководствоваться ею надлежит.

Упорно трудился Галактион. От восхода до заката. Выходных не было. Даже во время церковных служб, ни на кого не обращая внимания, то с помоста, то с подвесной «люльки» малевал он фантастические сцены из библии. Вот уже и Ной обнаженный около винной бочки, и Хам, посрамленный и проклятый родителем, закончены и просыхают при помощи жарко натопленной железной печи. И пророк Иона наполовину вылез из пасти кита и с вытаращенными от страха глазами ухватился за прибрежный куст...

Прихожане за обедней не столько молятся, сколько сторают от любопытства, глаза на способности и ухватку молодого живописца, успевающего за время одной литургии изобразить на стене рыкающего страшного льва около усопшей святой блудницы Марии Египетской.

— Вот ведь бог людям счастье даст! Золотые руки!
— Смотрите, ему даже в церкви курить дозволено...— перешептывались, судачили богомольцы.

Однажды между заутрени и обедни трудился он, покуривая сигарету. Старушка, которая подарила церкви икону «Сретения», заметила и осудила его:

— Как не стыдно, как не грех, молодой человек, храм осквернять табачищем?..

— Ага, это ты бабушка? Не забыла, сколько лет прожил твой Симеон-богоприимец?..— отозвался Перинин.

— А вот и не забыла, кажись, три тыщи годиков и шесть лет.

— Правильно, бабка! — смеясь, ответил Перинин с высоты лестницы-стремянки. — Никак не меньше...

— А чего ж ты зубы скалишь. Может, я соврала?

— Нет, в точку попала!

Но тут кто-то из баб поправил старушку:

— Ты, Фекла, совсем из ума выжилась. Где ж это три тысячи, коль и от рождества Христова всего мы живем одна тысяча девятьсот и пятьдесят восьмой год...

Старушка Фекла не оспаривала. Она с увлечением смотрела, как из-под кисти художника на стене церкви получалась огненная колесница Ильи Пророка.

— Нравится? — спросил Перинин.

— Чего? Карета? Страшновата, огнем полыхает... Как он, Илья, бедненький, сидит и как это у лошадей хвосты не обжигает...

— Без огня нельзя, бабка, никак нельзя,— серьезно отвечал Перинин, бросая с верхотуры окурки на пол.— Слышала, наверно, как спутник на небо закинули, он тоже с огоньком полетел...

— Чуюла, чуюла. Хоть вы все и умные, а это тоже не без божьего соизволения. Малюй, голубчик, малюй... Говорят, дорогонько за работу слупил. Креста нет на шее?..

— А это тоже с божьего соизволения..

* * *

* *

Время шло, и работа приближалась к концу. На сберкнижке у Галактиона уже пятнадцать тысяч. Сердце трепещет: что-то ему скажут в институте за такую необычную практику?..

«Будь, что будет. Треску бояться — в лес не ходить. Я не из идейных побуждений... Я это из-за материальной заинтересованности... Судите, скажу им, бейте, но выслушайте и не губите меня...» — все чаще и чаще задумываясь, размышлял об этом Перинин.

...Вьется, извивается вокруг Галактиона переспелая вдовушка Анята. В уме подсчитывает его заработок. Напоминает о своем участии в этом деле, на подарки напрашивается. Пришлось Перинину малость раскошиться. Благо есть за что. Позолоченные часики, крохотные, заблестели на пухлом запястье у Аняты, на другой руке — браслет с тремя разноцветными стекляшками. Как тут не возрадоваться бабе?.. Но вот беда: дело в церкви завершается, как подрядом предусмотрено. Скоро художнику-практиканту уезжать. Останется опять одна Анята. Скука и тоска будет смертная. «Эх, быть бы мне помоложе годиков на пятнадцать», — вздыхает и часто подумывает Анята, поглядывая влюбленными, вьедливыми глазами на парня.

Отец Александр, правду сказать, не очень был до-

волен работой Галактиона. Могло бы быть исполнение фресок значительно лучше. Но на безрыбье и рак рыба. Нет ныне специалистов-иконников, какие водились в прежние времена. Хорошо хоть такой нашелся. Качество росписи стен не ахти, зато в темпах живописец превзошел ожидания попа и старосты. В последние дни перед расчетом, за неделю до праздника воздвиженья честнаго и животворящего креста господня, попу взбрела в голову мысль привести еще в надлежащий вид валявшийся в старом хламе древний широкий кипарисовый крест, считавшийся когда-то «чудотворным». На кресте почти в натуральный человеческий рост изображен распятый Христос. На склоненной голове терновый венец, руки пригвождены, в правом боку колотая рана... Все как полагается распятому Христу. Только ноги спасителя за многие десятки лет настолько тысячами верующих были зацелованы, что вся краска, как она ни прочна была, вся облезла от пят и до самых коленных чашечек. А края в нижней части креста почти до самой перекладины даже изглоданы. Люди верили, что «пробование» креста на зуб помогало от зубной боли...

— Вот, милейший Галактион, еще работка... Христом-богом прошу, реставрируй.

— То есть как это? Легче новый сделать, а этот на дрова, — отмахнулся Перинин.

— Нельзя! Кошунство. Святотатство! Этот крест должен стать главной реликвией храма. Он, как намагниченный, будет притягивать молящихся. У него знатная биография: от старожиллов слышал о целебных свойствах дерева, из которого сделан крест. Из Палестины привезено то дерево, с самой Голгофы, где был распят вседержитель... Нет, голубчик, такими вещами швыряться нельзя!

— Ясно, будет сделано. Только надо края выровнять. Я не столяр. Пусть столяр на искусанные кромки креста заплатки поставит, зашпаклюет. А ноги к распятому, так и быть, я приделаю, дело невеликое.

— Постарайся, голубчик, постарайся, чтоб полная иллюзия была. Из-под гвоздей чтоб краска, аки кровь Христова, источалась. Сумеешь?

Пока столяр ремонтировал крест, Перинин листал книгу Вазари, изучая репродукции всяких распятий. Нашел две подходящие иллюстрации работ знаменитых мастеров эпохи Возрождения Дуччо и Лоренцо Монако. Тот и другой в свое время, изображая Иисуса на кресте, ноги Христовы на узких столбах поместили расчетливо: нога на ногу, и тот и другой обе ноги спасителя пригвоздили к кресту экономно, одним гвоздем.

Подражая великим мастерам, Перинин поступил точно так же.

Стал сдавать свою «реставрацию» попу. Тот чуть от ярости не произнес трехэтажных слов, не подобающих священному сану. Сник, успокоился и сказал:

— Вот что, голубчик, это не работа. Где это видано, чтобы одним гвоздем? Что у нас, гвоздей не хватает?.. Или как? Не понимаю!..

Перинин молча подсунул ему раскрытого Вазари. Поп взглянул.

— Так я же тебе сказал, что это не эталон. То, что годится католикам, то не годится нам. Дурья голова! Ох уж эта молодежь! Требую переделать обе ноги, прибить на два гвоздя и чтоб от крови Христовой — полная иллюзия. Клади сурика погуще!..

— Ясно, отец Александр! Будет сделано, как тобой сказано...

И приступил Галактион к переделке. Обе ноги Христа переписал. Добавленные к старому изображению туловища, ноги выглядели слишком ярко и были похожи на протезы. В ступни ног Перинин вбил два настоящих, с широкими шляпками, гвоздя, для прочности загнул их на обратной стороне креста.

— Вот это да! — восхищался Галактион своей сметливостью. — Будет полная иллюзия. И могут боги старушки и прочие, не шибко сознательные, целовать теперь Христовы ступни хоть сто тысяч лет — гвозди не изнаются, не сотрутся. А кровь, истекаемую из-под шляпок гвоздей, можно подновлять по мере потребности.

Слышал от кого-то Перинин, что в Петербурге до революции в церкви у «Спаса на крови» лежал за перегородкой камень, окровавленный в момент убийства царя. Конечно, царской крови не осталось на том камне следа, но для иллюзии, по подсказу главного пастыря церкви, сторож раз в неделю резал петуха и петушиную свежую кровь поливал на камень. Вот что значит иллюзия!.. Прав поп. Надо угодить ему в самую жилу, размышлял Перинин.

Как думал — так и сделал: шляпки гвоздей покрыл черным лаком. Изобразил стекающую кровь. И по густо наложенному и не успевшему засохнуть сурику несколько раз мазнул кровью зарезанной курицы.

Поп с восхищением принял работу.

— Успеет ли засохнуть? До воздвиженья два дня осталось... — усомнился он.

— Не успеет — не беда. Сцелуют с ног эту «кровь» — можешь сам подмазать, подкрасить. Это нетрудно.

— Отлично! — сказал поп. — С меня коньяк пять звездочек.

— И лимоны на закуску... — добавил Галактион.

— Ох и ловкач! Так, говоришь, куриной кровью? Ловко!.. Кровь из ног — и никаких гвоздей! Нет, и гвозди есть. Самые настоящие. Пусть задумываются — ведь оттого и кровь... То-то вот, — радовался поп, — а ты советовал такое сокровище на дрова. Этот крестик еще и грызть и кусать будут. Приезжай через год — убедись...

* * *

*

В день воздвиженья приурочено было освящение стенных росписей. Поп кропил «святой» водой стены и особенно старался около креста, стоявшего посреди церкви между двух клиросов.

— «Кресту твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресение твое поем и славим. Ты бо еси бог наш, и, кроме тебя, иного не знаем...» — Поп пел восторженно. И волосы его полуседые, смазанные гарным маслом, и лицо, натертое зеленой кожурой свежего огурца, — все лоснилось и сияло божественно. Глаза светились ярче горения восковых тощих свечек.

Анюта неистово крестилась впереди всех молящихся. Поминутно вставала на колени и била лбом об пол. Вспоминала покойного мужа Илью, искала глазами среди богомольцев Галактиона и не находила его. «Подика, сидит на станции в буфете и винище хлещет с больших-то заработков», — думала она, и, пожалуй, безошибочно. Потом взглядывала на попа, усердно поющего и за себя и за дьякона, ибо дьякон в эту пору — будь он неладен — уехал не то в Сергиеву, не то в Александро-Невскую лавру на переподготовку для повышения духовных знаний. И тут сам черт, не иначе, подсовывал Анюте в голову дурные мыслишки: «А как же ты, окаянная, пойдешь к попу каяться, если блудный грех

делили пополам?» И черт же ее поучал: «Не будь дурой, кайся только ему, не ты, он в ответе. Он ближе к богу, оправдается...»

Взглядывала Аня на попа и млела, чувствуя, как краснеет от прилива дурной крови. «Какой дородный крепыш, какой упитанный и весь сияет, что те поднос начищенный. И ризу новую справил...»

Поп артистически вел себя на амвоне. Перед крестом и раскрытыми воротами яростно возглашал:

«На древе крестном пригвоздившегося, и мир от прелести избавлявшего, согласно Христа все воспоем... Снизшел еси в преисподняя земли. И сокрушил еси ве-реи вечные, содержащие во связании Христа, и тридне-вен, яко от кита Иона, воскрес еси от гроба...»

При этих словах поп сделал особый нажим на голо-совые связки и показал на стену, где кит по велению бога, подаваясь пророком Ионой, чудесно выплевывал его на берег...

Сотни прихожан ринулись целовать подножие обнов-ленного креста. Раньше всех удостоилась приложиться Аня. Староста, пыхтя в пышные усы, еле сдерживал толпу. Запах краски и ладана наполнял церковь. Из верхних окон, из-под купола струились солнечные лучи, прорезая мутный, тяжелый, спертый воздух.

Первые Христовы «целовальники», прикладываясь к кресту, разнесли на своих губах краску и незапекшуюся куриную кровь. Кто-то сделал замечание Ане:

— Гражданочка, посмотришь в зеркальце, краска по губам размазана, вытри.

— Не вытру! Это кровь Христова! Сподобилась!.. Удостоилась. Первая сподобилась...

И понеслось по церкви:

— Чудо господне, чудо!

- Из креста кровь пошла!
- Из ножек, из-под гвоздиков...
- Вот они, страсти господни!..
- Что предвещаешь, милостивый Христе?..

И понеслось, и понеслось...

Сначала слух по церкви. Дальше — больше. Прошел слух по всему району.

* *
*

Перинин задержался еще на недельку. Надо было сделать добавления в росписях, слегка прикрыть наготу пьяного Ноя и Марии Египетской. И в это, следующее, воскресенье случилось чрезвычайное происшествие, явившееся совершенной неожиданностью для попа и прихожан. Невзирая на то что воскресенье было обычное, к церкви отовсюду потянулись толпы молящихся и праздно любопытствующих.

Староста выглянул в окно: за оградой — несколько грузовых машин. Церковь переполнена. Невошедшие теснились на паперти и толпились на улице.

Староста обрадованно доложил попу:

— Будет доходец изрядный... Одним этим воскресеньем мы оправдаем весь расход по реставрации церкви.

— Так-то так, но я что-то начинаю беспокоиться, — сказал поп. — Есть предчувствие и опасение, как бы чего не вышло. Хорошо, что не от меня исходят слухи о чуде. Да и ты не смей болтать об этом. А народ? Что ж, пусть говорит. Не наше дело православным на язык наступать. И сказано: глас народа — глас божий. Многонько понаехало, многонько, — дивился поп и не очень уверенно начал литургию.

Литургия не есть предмет для описания. Стоило бы подробней рассказать о происшествии с последствиями, но пусть этим делом занимается следователь, так как реставрированный Перининым крест наделал немало хлопот органам юстиции.

Если рассказать об этом происшествии в «чистом виде», как было, как хлынула толпа к лобзанию креста, как старушка Фекла и охнуть не успела — была раздавлена и как потом из церкви выносили изувеченных давкой, складывали их на трехтонку и отвозили в больницу,— все это получилось бы естественно. Но, робея перед критикой, автор не хочет подвергаться разносу за «натурализм» и потому предоставляет возможность читателю домыслить, как это происходило в размалеванных стенах каменной церкви. Тут и «чудотворный» крест не помог, ибо под напором густой толпы он был повергнут под ноги. Попа прижали к иконостасу. Испуганный и припертый, он не мог подать обычного голоса, а только шептал бледными, помертвевшими губами:

— Изыдите, оглашении, оглашении, изыдите!..

Но «изыйти» было невозможно. Скованные железом двери, открывавшиеся внутрь, захлопнулись. Толпа качнулась от иконостаса к выходу. Притиснутые к дверям взревели. И тогда люди догадались нарушить «святое» правило, отхлынули и прорвались через «царские врата» в алтарь, стали прыгать на широкие подоконники, на престол, на жертвенник, хватались за решетки в окнах, но решетки были незыблемы.

Обедня испорчена, как никогда. Поп не сумел ее довести до конца, да и никто не видел в этом надобности.

На место происшествия явились представители местной власти и констатировали вышеизложенное...

В тот же день, не дожидаясь развязки, Галактион Перинин поспешно складывал в чемодан свои пожитки. До отхода поезда оставалось четыре часа. «Как бы успеть, пока не прицепились ко мне, а ведь могут! Не хочу, даже свидетелем быть не хочу», — думал он, позабыв обо всем на свете, кроме того, что произошло в этот день.

— Н-да, вот это да! — не без робости в голосе говорил Галактион, расставаясь с Анютой. — Кто бы мог подумать, что люди напрут так неорганизованно. Стены еле выдержали! Шутка ли, одна старушка задавлена, скончалась, а сколько изувечено! Черт знает что такое! Это не баран начихал, это тебе не козья рожа!..

Галактион выглянул в окно.

На улице под конвоем, закинув руки за спину, крупно шагал отец Александр.

В эту минуту Перинин почувствовал себя неважно. Грузно опустился на диван, сказал:

— Есть примета — перед уходом или отъездом для счастливого пути полагается посидеть. Анна Борисовна, не поминайте меня лихом. Налейте еще стаканчик сливянки.

Выпил, повеселел. Потом задумался и, осененный поэтическим настроением, попросил у хозяйки альбом с фотографиями и написал:

Любезная Анна!
Ты была мне желанна...

Вспомни!

Как пастырь расстался с овечками,
Как восплакал незримый Христос,
Как двое конвойных со «свечками»
Уводили попа на допрос.
Ему результат этой давки,
Пожалуй, добра не сулит, —

Останется без камиллавки,
И будет тобою забыт...

Анюта прочла и зарыдала.

Печальным событием закончилась практика не с той ноги вступившего в жизнь Галактиона Перинина. Отзыва он, разумеется, не добивался.

Но за подписью заведующего райотделом культуры последовал подробный «сигнал» в институт.

Дело, конечно, ясное, поэтому осталось добавить немного.

* *
*

Священника допросили и, не найдя в его поступке злого умысла, выпустили.

Напрасно Перинин тщательно и «научно» готовился к отпору и самозащите. Не понадобилось. Факты — упрямая вещь.

В канцелярии ему выдали выписку из протокола заседания ученого совета:

«На основании проверенных данных студента 3-го курса Г. Перинина исключить, как не оправдавшего доверия в период летней практики, занимавшегося в рваческих целях явно недопустимой, идеологически вредной халтурой, выразившейся при исполнении им частного заказа по реставрации действующей церкви, с уклоном махрового мракобесия и с расчетом дурного влияния на верующих...

Выписка верна: секретарь М. С. Чернова».

Прочел. Задумался.

«Что ж... У меня вся жизнь впереди. Есть время исправиться, доказать... А если обжаловать?.. Пустое дело — не поможет. Понимаю. Вполне понимаю... Кабы

не эти гвозди, черт их побери! Может быть, и не было бы такого решения... Проклятые гвозди! Загвоздка получилась...»

— Товарищ секретарша, заодно возвратите мне аттестат зрелости и метрическую справку. Где-нибудь они пригодятся.

* * *

*

...С тех пор как мы оставили в кафе «Уют» за одним столиком двух художников, разными путями входящих в жизнь и искусство, прошло не так много времени.

Но и за это короткое время молодой художник Звенисельский, как и следовало ожидать, устроился в районе. Работы было вдосталь: и в школе с учениками, и в клубе, и в кружке живописи и лепки. Люди в районе оказались добрые и приветливые, прямые и не склочные, жизнерадостные, умеющие преодолевать невзгоды — одним словом, во всех отношениях хорошие люди.

Работа общественная, заботы о личном благоустройстве, думы о женитьбе, переписка с друзьями, этюды и зарисовки заполняли все время. Звенисельский едва-едва однажды выкроил свободный выходной день для того, чтобы сходить в церковь, полюбопытствовать, что там натворил Перинин, угождая вкусам щедрого пастыря церкви.

Пришел к концу обедни. Посмотрел настенные росписи, на аляповатых библейских типов, на всю халтурную мазню и мысленно представил себе Перинина стоящим на лестнице-стремянке с папиросой в зубах, малящего ветхозаветные сцены.

И засмеялся Звенисельский.

— Какая несусветная чушь и дикость! — сорвалось у него с языка.— Ему бы балаганы да карусели распи-сывать. И есть еще люди, молятся, взирая на эту хал-турную клоунату небожителей, «созданных» Перини-ным. Боже ты разнесчастный! Сколько на твоих угод-ников краски испорчено, сколько в то лето Перининым водки выпито! Какой срам, какое еще бытует невеже-ство — чтобы почитать за святость все это... Да хоть бы художество было, а то ведь сплошное убожество!

Звенисельский дождался, пока жидкая толпа не вы-шла из церкви.

Встретился на паперти с попом.

— Гражданин служитель культа, разрешите спро-сить вас, я местный художник, зашел посмотреть, из-вините за выражение, на... «труды» Галактиона Пери-нина.

— Приятель? Друг ваш?..— сердито перебил поп Звенисельского.

— Я бы не сказал...

— Злой гений, Иуда Искарнотский, вот кто ваш Пе-ринин. Я его имени слышать не хочу... Это он захотел из-меня расстригу сделать, да не судил бог. Жду перевода в другую паству. Вера упала! Вы видите, сколько се-годня было в храме людей? Горсть, одна горсть! А раньше — теснота!.. От алтаря до паперти — народ... Вот что натворил, лукавый бес, ваш Перинин-Постелин, черт его поberi!..

Тогда Звенисельский спросил попа:

— А у вас-то была голова на плечах? И наверно, эта самая, когда возникло происшествие по причине «живо-творящего» креста?

— Дьявол искусил, думал я, ради укрепления веры надо содейть такое, а вышло наоборот, прости господи...

— Скажите, а можно посмотреть на тот злополучный крест?

— Почему нельзя? Пока он здесь. Говорят, что его хотят забрать в музей для антирелигиозной пропаганды, но почему-то не берут...

Поп провел Звенисельского в каморку, где лежала всякая заваль, а на ней — лицевой стороной кверху — огромный крест.

Распятие Христа было исправлено чьей-то неопытной рукой. Отверстия на месте вытасненных гвоздей зашпаклеваны, затем серой свинцовой краской намалеваны с широкими прорезями шурупы... Прорези на них вторично замазаны черной краской и оказались еще более заметными. Никаких кровотокающих следов на кресте не сохранилось — все смыто, подчищено. Бледные ноги Христа густо закраснены белилами.

— Это исправил один маляр, неверующий, — пояснил поп, — за шурупами я недоглядел. Никто Христа шурупами не привинчивал. Ересь!.. И главу Христову оставили в том виде, как ее подновил ваш проклятуший Перинин.

— Да, неважнецки он подновил, прямо скажем, — заметил Звенисельский. — С лица и куцей бородки Иисус очень на меньшевика смахивает.

— Что поделаешь, — согласился поп с замечаниями, — в этом, пожалуй, Перинина винить нельзя. Ведь фотографий с божьего лика не имеется. На кинолентку высшее существо не заснято...

— Вот уж что верно, то верно! — подтвердил весело Звенисельский. — В этом вы неоспоримо правы. Много в наши дни достигнуто наукой, учеными людьми и рядовыми тружениками: космические корабли летают. Вот уже и обратную сторону Луны сфотографировали, а ни-

как не могут ученые достичь седьмого неба и сфотографировать Христа. Аргумент достойнейший. Цепляйтесь за него, или уже поздно?..

Поп нахмурился и, не ответив Звенисельскому, спускаясь по лестнице с паперти, крикнул шоферу:

— Заводи «москвича»!

Подойдя к машине, он подоткнул подол рясы и еле-еле, согнувшись, кряхтя, полез на заднее сиденье, покрытое бархатной накидкой.

Звенисельский, уходя из церкви, ни разу не обернулся.

Впрочем, и оглядываться не на что. Церковь не числится в ряду памятников истории древней русской архитектуры: выглядит невзрачно и уныло.

На могильнике, причитая, ревела без слез Анюта. Растрепанные волосы закрывали ее лицо, с которого давным-давно исчезла печаль по усопшему ревнителю церкви Илье.

Церковный сторож по случаю воскресенья рано запил. Хмурый усатый староста собственноручно повесил к воротам церкви замок размером с кожаную рукавицу. Потом староста вывел из заброшенного барского могильного склепа огромного, откормленного, с выбитым глазом кобеля и, привязав к покосившейся ограде, взирая на храм, перекрестившись, сказал:

— Береженое и бог бережет...

К. И. Коничев

Я часто вспоминаю: Ленинград, гостиница «Астория», уютный номер, в котором третий час подряд ведется неторопливый разговор двух мужчин.

За окном — зима. Вьюжит разгульный декабрьский ветер. Взглянешь в окно — и ничего не увидишь, кроме серой мглы, вот уже который день нависшей над городом.

Но здесь о зиме и не помнится. Потому что разговор идет об Африке. Я слушаю рассказы об этой далекой земле, настолько живые и красочные, что кажется, пробилась в комнату знойные лучи африканского солнца и коснулись нас своим дыханием.

Мой собеседник — удивительный рассказчик, неугомонный человек, побывавший в разных странах. Рассказов у него хватит на много дней. А говорит он так увлекательно, так образно, что слушаешь затаив дыхание и воочию представляешь себе то, о чем идет речь.

Впоследствии, перечитывая книги ленинградского писателя Константина Ивановича Коничева, я понял, откуда берется одно из ценнейших их качеств — увлекательность. От умения писателя видеть жизнь глубже, чем она кажется с первого взгляда, подметить то, что порой ускользает от глаз, усмотреть необычное в обычном, интересное в будничном — и обо всем этом суметь поведать занимательно и интересно. Этим даром и обладает Константин Иванович Коничев.

Ему есть о чем рассказать людям. Он много повидал на своем веку, был очевидцем удивительных событий. И ко всему тянулся с юношеской любознательностью. Вся его жизнь — это жизнь пытливого исследователя, который не пройдет мимо мало-мальски интересного факта, события, случая, встретившегося на пути.

Он часами может говорить о книгах, об истории, о живописи, о коллекционировании, об архитектуре. Он может без усталости рассказывать о жизни египетских феллахов, с которой познакомился во время своих зарубежных поездок. Он может поделиться своими впечатлениями об искусстве древних эллинов, знакомом ему не только по книгам, но и по личным впечатлениям во время пребывания в Греции. И о чем бы он ни беседовал, всегда говорит страстно и увлекательно.

Но с особой любовью говорит и пишет он о севере. Это его родной край. Земля Вологодская — родная его земля. Здесь начал он свой жизненный путь. На Вологодчине начался его путь писателя.

На долю Константина Ивановича Коничева выпала нелегкая судьба. Он родился в бедной крестьянской семье. Шестилетним мальчиком остался сиротой и был отдан сельским сходом на воспитание опекуну. А еще несколько лет спустя, окончив церковноприходскую школу, научился сапожному ремеслу, и начались долгие годы подневольного труда за сапожным верстаком.

И может быть, читатели так бы и не узнали никогда имени Коничева-писателя, никогда не прочитали бы его книг, если бы не попался по России в семнадцатом году революционный вихрь.

С первых же дней революции Константин Коничев сделал свой выбор. Он с теми крестьянами, которые без колебания пошли за большевиками. Он работает в комбед, борется с кулачеством, а зимой 1920 года добровольно уходит в Красную Армию.

Когда отгремели бои гражданской войны, Константин Коничев вернулся в родные края. Вновь занялся он сапожным ремеслом. А вечерами пробовал писать. Писал стихи, фельетоны, очерки, заметки. Многие из них печатались на страницах губернской газеты «Красный Север». Их читали, потому что написаны они были на близком крестьянам, хорошо знакомом деревенском материале. Так начинался путь Коничева в литературу.

Молодой селькор работал избачом. Часто проводил с крестьянами беседы, устраивал громкие читки книг. Он выезжал в другие районы, забираясь подчас в лесную глухомань, в заброшенные на много верст от проезжих трактов деревни. Эти поездки, встречи с людьми, с жизнью обогащали его, откладывались в памяти, чтобы потом ожить на страницах будущих книг заново осмысленными, заново увиденными.

Одновременно Коничев учился. Не расставаясь с селом, с основной своей работой, он учился в губернской совпартшколе, затем в Литературном институте, жадно впитывая недостающие знания.

В этот период, по собственному признанию, он испытывает большое влияние Демьяна Бедного. «Я десятки раз читал мужикам в двадцатых годах стихи Демьяна Бедного,— вспоминает Коничев,— и видел, как доходят они до людей, и думал, что писать надо только так».

В 1929 году в Вологде выходит первая книга рассказов Константина Коничева «Тропы деревенские», а затем в течение трех с половиной десятилетий в различных издательствах страны появляются написанные им произведения: «В местах отдаленных», «Деревенская повесть», «Люди больших дел», «Повесть о Верещагине», «Повесть о Воронихине», «Повесть о Федоте Шубине» и множество других рассказов и очерков.

С первых же шагов Коничева в литературе атеистическая тема стала неотъемлемой частью его творчества. Еще в 20-е годы он выступал с «безбожными» стихами перед земляками, обличая «поповскую механику», «великий обман» служителей божьих. Устраивая в родном селе «комсомольскую пасху», он пишет и сам ставит в Народном доме пьесу «Накануне пасхи». «Мужики встретили ее с огромным интересом,— вспоминает Коничев,— народу было — битком. В двух церквах не было столько». Пьеса заканчивалась стихами, в которых выражалась уверенность, что близок день, когда:

Наука путь нам всем укажет,
Не будет ждать мужик чудес,
И ни один тогда не скажет,
Что в эту ночь Христос воскрес...

С разоблачением религии, черных деяний ее служителей, в течение столетий обманывавших простой люд, Коничев выступал во многих своих произведениях. Антирелигиозные мотивы красной нитью проходят в одной из ранних его книг — «Деревенская повесть», отмеченной А. С. Серафимовичем. Да и к какому бы его произведению ни обратился читатель, почти в каждом из них он найдет непримиримое отношение к религиозной вере, характерное для писателя-атеиста.

Эта непримиримость автора к религии особенно ярко выразилась в рассказе «Падение Галактиона Перинина», где писатель, используя действительный случай, сумел художественными средствами показать крах «поповской механики» в наши дни. Вместе с тем он с нескрываемым презрением поведал о тех людях, которых погоня за длинным рублем и беспринципность делают соучастниками церковного обмана. А ведь именно эти люди помогают церковникам держать под своим влиянием верующих.

Рассказ «Падение Галактиона Перинина» заставит призадуматься тех, кто порой, идя на уступки служителям религии, не видит в этом большого зла. Он заставит задуматься людей, которые стали жертвами церковного обмана. И в этом — действенность рассказа К. И. Коничева.

Недавно Константин Иванович Коничев отпраздновал свое шестидесятилетие. Большая и интересная жизнь прожита им. Но сколько еще интересного впереди!

Мне вновь вспоминается Ленинград, «Астория». Константин Иванович рассказывает о своих планах: надо еще много поехать, много увидеть, многое изучить и, конечно, написать.

Удивительная энергия у этого человека! И верится, что он поедит, увидит, изучит и о многом расскажет в новых книгах, с которыми еще познакомится читатель.

А. Белов

Содержание

Падение Галактиона Перинина. Рассказ	3
А. Белов. К. И. Коничев	44

Коничев Константин Иванович.

ПАДЕНИЕ ГАЛАКТИОНА ПЕРИНИНА. М., Политиздат, 1965.
48 с. с илл. (Худож. атенстич. б-ка)

P2

Редакторы *А. Белов, Е. Молчанова*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *О. Семенова*

Сдано в набор 28 октября 1964 г. Подписано в печать 6 января 1965 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 1¹/₂. Условн. печ. л. 2,055. Учетно-изд. л. 1,87.
Тираж 135 тыс. экз. А 02807. Заказ № 2622. Цена 5 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1965 г., № 165.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Отпечатано с матриц типографии «Красный пролетарий» Политиздата, Москва в типографии «Радянська Україна». Киев, Анри Барбюса, 51/2. З. 80.